

Ульяна Широкая

«Господи, где я погибла, не знает родима мамушка»

Ходила в море. Шторма

Так вот моя жизнь прокатилась, прожила, скоро восемьдесят годов. Мне-ка семь годов было — без отца-то осталась. Он заболел, отец, — был на зверобойке¹. В Орхангельске пришли на сушку, остался там, зверей-то строга². Да простыл, да воды-то холодной, говорят, напился, да заболел воспалением легких. Домой приехал, полежал-полежал дома и так и умер. Это было в двадцать девятом году, наверно, или в тридцатом. Нас три сестры, четыре, да брат был тоже.

Я в море пошла первый год дак на карбасе. Тринадцати годов ушла, до войны-то и ходила. Пошла первый раз в море, дак рыбы-то попало — лебёдка не взяла поднять! Разливали на два раза. Высыпали — по всей палубе трепёщится рыба-то. А рыба была какая-то крупная всё. Дак шкерали³ ещё сами первый год. Шкерали сами, дак сутками не спали. Штормина тоже ходила, Господи, чуть не погибли! А потом на бота пошла. На ботах-то ходила тоже до войны — три года ходила, три путины⁴.

Шторм вот когда, дак на ботах-то тоже погибали. Вот беда-то! Помощник капитана пришёл ко мне, а я лежу в кубрике. Ой, Господи! Дёржишься только за край тут кровати. И он пришёл ко мне да говорит, Василий Никитич покойный: «Улошка, — говорит, — мы погибали ведь». Ой, всё с палубы смыло, тут всё унесло, ой-ой-ой-ой! Да как-то вот штормовалися ещё долго.

Опосле зашли, тут пристань-то была чуть не у самого моря дак. Всю пристань ссадило, тут ботов-то много раньше было. Бот о бот колотит, путаются. Ой-ой-ой, рёву! Мы зашли туда подальше, к какому-то боту припвартовалися, дак начальство понабежали, говорят: «Мы уж не считали живыми вас. Везде звонили — на Канин Нос и там куда-то еще ли и нигде никого нет, не видели».

Дак ведь, Господи, только припвартовалися, я и вышла на палубу-то. Капитан был Александр Ефимович. И вон покойный меня эва по плечу, капитан-то. «Вот, — говорит, — у нас повариха как стёклышко выскочила. Мужиков всех море сбило. Поди, — говорит, — без тебя сегодня рыбу выгрузим».

В общем, схватили мы за свою жизнь. На ледоколе была тоже, на «Седове», Тоже на зверобойке. С ледокола приехали, не знаю какого числа, и война-то и началась.

¹ На промысле тюленя.

² Свежевали.

³ Потрошили, чистили.

⁴ Период промысла рыбы и морского зверя.

На зверобойном промысле. Поморы у лодки, покрытой буйном, готовят на костре пищу. Открытка нач. XX в.

Каменка

В Каменке жили полгода в сорок втором году в войну, с грузами тут. Муку, песок носили в баржи-то, разношивали — мешки по сто килограмм. Там на лебёдке спускали. Ой, беда-то! Дак сперва, Господи, плечи смяло все. А опосле как игрушки стали мешки — таскали почём зря их. Полгода с грузами ворочались.

А из Каменки приехали, нас ещё в Майду послали опять, сайку ловить какую-то. Приехали два старика, да всё в войну это ведь дело было, пять рюж поставили. Пойдём через день смотреть, дак двадцать саек попадёт. А больше ничего не было, а нас семь человек было. Голодали. Эти сайки спустим⁵, соли ещё хозяйка даст, и этот чугуник весь вызобаем⁶. Ой, беда, пять девок нас было. И всё как будто ещё тут и весело — шутим да смеёмся.

На зверобойке

А потом на Моржовце была ещё. Моржовец — остров, слышали вы? Тоже тюленей били да юрки⁷ волочили. У нас всё девки и ходили во время войны на путины-то. Бойся не бойся — пойдёшь, поедешь. Нать чего ли делать, нать промышлять чего-то, всё копейки какие ли зарабатывать. Тогда отовариванье давали: рожь, да шпеницы, да масло, песок — всё давали. На Моржовце-то была, дак у меня был промысел хороший.

Мы сначала приехали в войну, в сорок третьем году. Поехали на Моржовец в конце марта, наверно. А приехали сюда мы третьего мая — больше месяца жили.

В лодках попадали. Где и водой едешь, а где опять шобора⁸ такая. Верёвку бросят мужики да тащат, да тут о лодку держишься, дак ой-ой!

Вытянулись на большую льдину, вытянулись и стали, и огонь разожгли, дрова были тоже уж тут в лодке наготовлены. Чай согрели тут, поели чего-то. Червочкин был такой, бригадир, он нам говорит: «Ну ложитесь спать, девки, теперь». Мы вот с Олександрой-то, двоюродной сестрой, двоима. Спали в лодках. Малицы⁹ были, да малицы одели. Буйнами¹⁰ закрыли нас. Ну, мы заспали — того дела ещё опристанешь¹¹. Опосле он будит нас: «Вставайте, девки, чай пить». А чайник уж согрели мужики. Встали. Дак Моржовец уж прямо как земля, поднесло как — видно. Ну вот, потом опять потянулись на льдину-то, перетянулись. И разводье опять, вода — не так что уж едешь прямо, а такими кульгами¹².

Стали подъезжать к Моржовцу. Военных тут набежало проверять нас. Определили место жительства — Золотухой тут называется место, жили-то в Золотухе. Ну вот, и потянулись опять, вытянулись тут уж на берег, до Золотухи-то этой дотянулись. Барак такой, как сарай. Ну, потом

⁸ Скопление мелкого спрессованного льда.

⁹ Широкие шубы шерстью внутрь.

¹⁰ Брезентовыми пологами (использовались для укрывания людей и имущества во время морского промысла).

¹¹ Устанешь.

¹² Отдельными небольшими участками, полосками.

⁵ Положим в котелок.

⁶ Опустошим.

⁷ Тюленьи туши, связанные в тюк.

Поморы перетаскивают лодку по льду. Фотография первой половины XX в.

печку затопили. Там плита такая была, печка-то сложена. Тут и варили, и всё делали опосле.

А потом весь лёд унесло. Вот беда! Мужики говорят: «Ну, девки, до зимы этто нам надо жить теперича. Как поедем? По чистой-то воде?» Ой, мы с Олександрой-то уйдем в баню-то, далеконько. Уйдём в баню, молимся: «Ой, дай, Господи, принеси, Господи, льду, чтобы нам домой уехать». А потом на первого-то мая в лодку-то всё забуйнали, склалися и спустилися, по чистой воде поехали. Дак Червочкин на корму сидит, вот так: «Гренем! Гренем!» Гребли-то — два раза перекур делали только. И переехали на Воронов, на землю.

Мы поехали дальше, этто в Кулой¹³ надо нам. И налети-ко-ся эта погодушка¹⁴! Господи, штормина! Снег, слякоть, ой! всё пошло через лодку. Фёдор там, покойный тоже, ревёт: «Червочкин, где Перечня речка, надо на берег ехать». А Червочкин у нас: «Проскочим», — говорит. Мы свернули, дак нас как на берег-то высадило! Да всё через лодку, вся волна-то, да ой-ой-ой! Все перемокли, опосле как-то оттого делалися да забралися в эту в Перечню речку. Да все мокры, да в лодке-то всё мокро, да всё выкляли. Огонь распалили, лесу много там было выбито. Распалили, начали сушиться тут да варить да. Дак мы двое сутки тут лежали, в Перечне-то речке — штормина была. После стихло и поехали.

А этто река ещё стояла¹⁵. Мы лодки вытянули, оставили — пять километров отсюда, а сами пешком. В три часа прибежала я домой-то, прибежали с Червочкиным. Червочкин в окошко тут

заколотил: «Устина, открывай ворота, принимай дочь». Ай, мамушка выскочила, заплакала тоже.

На оленях ехали домой

На другой год на бота тоже идти. Осень-то палася какая-то худая. На прикол встали — бот на боку, всё обмёрзло. Варить-то плохо ведь. Господи, готовить надо всё! Мужики! Готовленье-то было раньше — уши наварить да рыбы. Никаких там ни коклет, ничего не делали. «Ну, — думаю я, — как ли бы домой попасть. Больше я ни за что не пойду на бота». И мама тут уже покойная: «Не ходи, девка, больше. Ты что, волну хлебать!»

Потом в колхоз призывают. «На бота опять, — говорят, — ходи». Я отказалась — не пойду больше. А мама опять и тоже говорит:

«Не ходи, девка, не ходи больше». Потом пришёл Савушко покойный на дом, капитан-то: «Пойдём, Улошка, пойдём. Ещё навигацию-то сходишь, и денег заработаешь, — говорит, — живых, домой привезёшь». Я и согласилась, опять пошла. Вот беда-то.

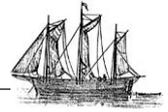
Опять до осени до той же. Опосле на прикол уж встали, пришёл капитан с конторы, говорит: «Кто хочет ехать домой? Идёт двести семьдесят седьмой (какое-то судно), на Воронов груз везёт». И тут мужики согласились некоторые, и я тоже — тоже домой поеду. И на Воронов нас высадили. Пришли мы в Койду пешком уж вечером, где-то к вечеру. Ночевали, баню натопили. Тут бабушка Ульяна была покойная дак: «Пойди мойся в бане да».

На другой день пошли мужики чум искать, оленей нанимать. Распута! Ни пути, ни дорожки, ничего нету. Мужики нашли этих ненцев-то где-то. И согласились они — завтра приедем, мол, и повезём. Где они скоро соберутся, эти ненци!

¹³ Река Кулой.

¹⁴ Непогода, шторм.

¹⁵ Кулой был ещё покрыт льдом.

Лагерь поморов на льдине. Фотография первой половины XX в.

Оленей имали да всё где-то к полудню. А осень ведь, свету-то мало, темень всё. Поехали, на борок¹⁶ заехали тут, в Койде-то, и темно стало. И остановились оленей кормить и чум стали ставить. Чаю тут нагрели тоже и чаю напились. И спать надо, дак каких-то постелей тоже настлали да тут и спали вот ночь. Утром встали, опять оленей имали да сряжались сколько времени. Поехали, опять до борков доехали, опять чум стали ставить. Опосле опять поехали. Этто в озёрах-то ехали — проступаются олене-то, а всё ступью. Ой-ой-ой-ой!

Две ночи в чуму ночевала с мужиками! А мужики всё какие-то хорошие были, ой, беда-то. Все хорошие были мужики. Я много ходила дак ни от одного не слыхала, что чего ли неладно сделала. Всё по добру, все Улошкой звали меня.

Унесло на льдине

Дак меня унесло-то ещё, Господи, на льдине! Ночью! Одна! Холодина! Ой-ой-ой. Пошли первый раз ночью в море, дошли до тороса¹⁷, в море-то спуститься чтобы. Червочкин говорит: «Ульяна, ты пойди домой — сегодня первый раз да ночью дак». А я думаю: «Залёжка¹⁸-то тут и есть как будто». Бельки ревут, как маленькие робятка. Думаю: «К чёрту я пойду домой. Вот поднесёт, наснимаю — юрок вытяну». И сижу. После вдрут как качнуло. Вот беда, посмотрела на гору-то — вода, чисто уж вода. И никуда не перескочишь, и понесло меня. И несёт ночью, одну!

¹⁶ Сухое возвышенное место в лесу.

¹⁷ Нагромождение льда у берега.

¹⁸ Лежбище тюленей.

А мужики говорили, что если унесёт дак, понесёт на Михайловский — там маяк есть такой. Говорят, если не выйдешь, дак и кашки не хлебнёшь — в морюшко укатит там дальше. Сижусижусижу, Богу молбюся, что, Господи, помоги выйти, помоги, Господи. И стал ледок-то прижимать к этому Михайловскому. Вот тут есть как будто как заречье. Я говорю: «Нать, наверно, попадать как ли к горе». А багор был свой-то да лямка.

Сошла с этого с ропака¹⁹, на котором несло-то. А быстерь²⁰ там на Моржовце-то, вода что из ручья льётся. Льдинки, между льдинами вода ещё. Ну, я на эту льдинку-то сошла, а другой льдиной, наверно, толкнуло. Я и в воду, в морюшко, в Бело-то в море! Вот беда-то, ой-ой-ой! Как я тут живой осталася, дак это просто самой теперь не верится. Я как-то барахтаться, барахтаться да на другую льдину вышла. Вышла на другую-то льдину, меня опять толкнуло — я опять в морюшко, да по грудям тут в море. «Господи, Господи, — тут сказала я, — Господи, Господи, где я погибаю, не знает родима мамушка!» Да чего-то взглянула я на кашагор-то. Большая льдина тут, несёт тоже. Я — черепаться на эту льдину-то. И вычерепалася я.

И рукавицы у меня унесло, багор унесло, вот беда-то. Юбку обжала, а там уж назаде как в тусе — мороз, холодно. И опять говорю: «Господи, Господи, дай ты, Господь, мне какую ли палочку». Меня всё несёт. Посмотрела дальше я в море-то, увидела: палку прижимает, палка видно. Я подошла, вытащила — багор мой! Рукавиц нету

¹⁹ Кусок льда, обломок льдины.

²⁰ Стремнина, быстрое течение.

у меня. Как мне-ка силы Бог дал! Обрадовалася, с багром-то и пошла к горе. А несёт, быстро ещё всё несёт. Я эту льдину-ту прошла, да ещё в гору немного тут прошла, тут уж сухой ногой²¹. Не сухой, вся мокрящая!

Вышла на гору я. Снегу полно, зима ведь. Ни тропинки, ни дорожки, ничего нету. Я в снег прямо ниц пала и заплакала, как заплакала! Говорю: «Найдут дак хопь, может, куда ли закопают. Хопь из моря-то вышла».

Мужики-то говорят: если замерзать будешь, там слышаться будет сверху. Плачу, плачу, вдруг как будто заревело. Заревело, я говорю: «Вот, замерзать стала». Ну, потом другой раз заревело. На третий-то раз заревело — пошто-то в голову-то пришло, что, наверно, меня ищут. Я и откликнулась. А Червочкин этот уж с лодкой идет, меня искать пошли. Он услышал голос-то мой.

Он тут меня поставил на ноги да отоптал кругом всё, дорожку такую, и начал меня таскать. Рукавиц нету, он рукавицы свои снял, мне-ка дал рукавицы. А сама-то вся в туесе как будто, вся обмёрзла. Ой! «Потом с лодкой, — говорит, — идём, тебе платье сухое оденем да хлеб». И с лодкой-то и пришли опосле. Пришли, меня в лодку подняли тут как-то. «Спирту полстакашка вышей», — говорят. Эти маленькие стакашки. А я уж вся ходуном хожу. Трясёт, вся замёрзла. «Вышей, — говорят, — дак согреешься лучше». Я: «Нет!» — раньше же не пили девки, не то что. Нигде не писано было, чтобы девке пить. «Ну, девка, вышей», — говорят. Опосле уж по-худому стали мне, а я ещё артачилась, не пила. Потом выпила. Выпила, меня ещё пуце затрясло пошто-то.

²¹ Посуху.

И потом как-то переоделась тут. Валенки притянули мне, пальтоху, наверно, не помню этого ничего тут уж.

И пошли. Лямку дали, говорят; «Держись за лодку-то. Тянуть-то не тяни, а держись, дак загреешься». После-то пошла-пошла-пошла и не стало трясти, стала загреваться, наверно. А далеко уж унесло-то меня. Майдян лодка, койдян лодка, наша тут ещё лодка — все на угоре стоят. Это дожидают, наверно, что найдут ли, не найдут ли меня. А там двоюродная сестра ещё тоже в другой лодке была, Олександра. Она увидела, что я иду, с горы сбежала да мы как схватились с ней! Нукося, как коровы заревели. А Червочкин на неё ещё матюком. Говорит: «Держишь девку-то, пойдите в избу сейчас же!»

А наутро опять нать идти в море. Опять пошла, страшно, не страшно дак. И промысел был хороший. Много волочили этих юрков.

Когда-то приезжали фольклорные ли как ли из Москвы. Меня просили; «Расскажи, как тебя носило в море-то». Кто-то уж сказал, наверно. А я пошто-то не рассказала тогда. Мне как-то тяжело было рассказывать, тяжело вспоминать-то. Я зарассказываю, и сразу слёзы бежат, тяжело. Как-то вот живой осталася. Одна-одинешенька ведь в морюшке купалася в Белом. Самой не верится теперь. В тот год у нас мужиков-то унесло, дак погибли четыре или пять, наверно. Да девушка была тоже маленькая. Унесло их совсем, так и не могли никуда выйти. А я как-то вот ведь выбралася.

Широкая Ульяна Егоровна

Родилась в 1921 г. в деревне Долгощелье Мезенского района Архангельской области. Эта деревня находится в устье реки Кулой, примерно в тридцати километрах от места впадения реки в Белое море, что и определяет уклад жизни населения. В 2000 г. сотрудники Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН А.В. Мальшева и М.В. Яковлева записали рассказ Ульяны Егоровны. Расшифровка и комментарии А.В. Мальшевой. Текст печатается по книге: «Русская деревня в рассказах ее жителей» / Под ред. Л.Л. Касаткина. М., 2010. С. 291–301.

Иллюстрации А. Соротикиной